

Секция «Литературный процесс и журналистика: история, критика, публицистика»

Архетип чудака и концепция шутовского триединства в романе Лоренса Стерна «Жизнь и мнения Тристрама Шенди, джентльмена»

Сергеев Игорь Викторович

Студент (бакалавр)

Московский государственный университет имени М.В.Ломоносова, Факультет журналистики, Москва, Россия

E-mail: phil.glider@yandex.ru

Роман Лоренса Стерна «Жизнь и мнения Тристрама Шенди, джентльмена» занимает особое место в истории мировой литературы. Его исключительность обусловлена уникальной авторской интерпретацией культурно-эстетического наследия прошлого. Многие исследователи, в частности М.М. Бахтин [1], и Н.В. Дешковец [3], рассматривают роман Стерна сквозь призму карнавально-шутовской традиции. По мнению некоторых литературоведов, в частности Строгановой М.В. [6] и Елистратовой А.А. [4; с. 8], большое влияние на Стерна оказали богословие и христианская эстетика. Несмотря на интерес исследователей к роману Стерна, попыток осмысления шутовской традиции в слиянии с христианской эстетикой как в отечественном, так и в зарубежном литературоведении, до сегодняшнего момента не предпринималось.

Рассмотрение образной системы романа в рамках симбиоза двух традиций - шутовской и христианской - открывает новый пласт в художественной ткани произведения. В романе становится заметна концепция шутовского триединства, которую можно назвать художественно-идейной доминантой романа. Привычная схема «Бог-Отец, Бог-Сын и Бог-Дух» трансформируется, и в результате Бог-Отец становится Тристрамом-Автором, Бог-Сын - Тристрамом-Героем, а Святой Дух заменяется Духом «шендианства», который наполняет собой художественную ткань произведения.

Догмат о священной Троице, рассмотренный сквозь призму шутовской традиции, позволяет четко распределить функции повествователя, автора и героя, определить их место в образной системе романа. В доказательство тезиса о том, что Тристрам-Автор является трансформацией образа Бога-Отца, стоит привести точку зрения М.М. Бахтина о том, что шут является «метаморфозой царя и бога» [1; с. 311]. Действительно, Тристраму-Автору подвластны идейно-содержательное наполнение эпизодов, прорисовка образов и усложнение хронотопа произведения, которое, в первую очередь, проявляется во введении в художественную ткань романа авторских отступлений. Маска Автора-Шута также даёт Стерну возможность критиковать принципы Просвещения, вести полемику с идеями Локка и формулировать принципы собственной философской и эстетической доктрины.

Шутовское триединство характеризуется непрерывным перетеканием комического, смехового начала от Лица к Лицу, в результате чего проявляется амбивалентность Тристрама-Героя, обусловленная шутовским травестированием. Шутовская сущность героя впервые выражается в шестой главе первого тома романа [5; с. 13]. Тристрам-Герой - это, во-первых, маленький Тристрам, детство которого описывается на страницах романа. Во-вторых, это взрослый Тристрам Шенди, появляющийся в седьмом томе романа в качестве путешественника, ведущего свои заметки. Также в романе фигурирует и маска взрослого Тристрама-Героя, в которую облачается Тристрам-Автор. Эта маска необходима для создания иллюзии живого диалога автора с читателем и реализации повествовательной функции.

Третья ипостась Шутовской Троицы - «шендианский» дух, который по своей природе близок к народно-смеховой, карнавальной культуре. Тем не менее, это близость также

амбивалентна: с одной стороны, «шендианский» дух - это порождение карнавальной эстетики, с другой стороны, это качественно новое явление. В «шендианском» духе по сравнению духом карнавала существенно ослаблена связь народной площадью, но в то же время сохраняется значительная связь с театральными подмостками. Вследствие ослабления связи с народной площадью, повествование приобретает камерный характер, всенародный карнавал перерождается в карнавал души обитателей Шенди-Холла - «мира фикции и человеческого воображения» [3; с. 131]. Чудаческое бытие Шенди-Холла, как и бытие карнавальное, рождается в момент кризиса: у Стерна бытие его романического мира порождено кризисом идей века Просвещения. Как и народный карнавал, карнавал шендианский находится вне времени и стремится к бесконечности [2; с. 15]. Подобная особенность категории романического времени проистекает из особенностей кольцевой композиции.

«Шендианский дух» оказывает значительное влияние на систему образов и лейтмотивов романа. Образы Вальтера Шенди, дяди Тоби, капрала Трима и пастора Йорика восходят к архетипу чудака. Чудак занимает срединную позицию между архетипами шута и дурака. Шут как сакральный учитель разоблачает условности мира при помощи смеха, дурак же противопоставляет конвенциональности своё непонимание и искренность, тем самым разоблачая её. Чудачество у Стерна носит добровольный, специфический характер, который проявляется лишь в одной части жизни. Чудак понимает и отчасти принимает условные законы жизни, но какая-то часть его жизни специфична, свободна от этих условностей.

В романе Стерна эта специфичность реализуется за счет «конька» - «каприза, чудачества, прихоти, мании» [3; с. 130], то есть фактора, позволяющего персонажам не принимать жизнь и разоблачать её условности. Значение «конька» у Стерна также амбивалентно: развенчивая общепринятые нормы, «конёк» развенчивает и самого себя, выражает собственную абсурдность и условность. Стерн не отдаёт предпочтения ни одному из типов мировоззрений: сенсуализм дяди Тоби, равно как и рационализм Вальтера Шенди не выдерживают проверки жизнью.

Таким образом, преобразуя эстетику всенародного карнавала в закрытый карнавал души, Лоренс Стерн создаёт уникальный роман, легкий по тональности и сложный в идейном содержании. Симбиоз христианской и средневековой шутовской эстетики порождает особую - «шендианскую» - эстетику, которая трансформируется в особый вид мировоззрения - «шендизм», позволяющий по-новому подойти к решению онтологических проблем. Полемизируя с Локком, Стерн воссоздает психологический ход мысли, тем самым подготавливая почву для развития модернистского приема «потока сознания», который полностью реализуется уже в творчестве писателей XX века - В. Вулф, Дж. Джойса, У. Фолкнера и других.

Источники и литература

- 1) Бахтин М. Вопросы литературы и эстетики. Исследования разных лет. – М., 1975, 504 с.
- 2) Бахтин М.М. Творчество Франсуа Рабле и народная культура средневековья и Ренессанса. – 2-е изд. – М., 1990, 543 с.
- 3) Дешковец Н.В. Архетипы шута и чудака в романах Лоренса Стерна // Проблемы истории литературы. Сборник статей. Выпуск семнадцатый. Москва – Новополоцк, 2003, С. 128-134.
- 4) Елистратова А.А. Лоренс Стерн // Стерн Лоренс. Жизнь и мнения Тристрама Шенди, джентльмена; Сентиментальное путешествие по Франции и Италии / Пер. с англ. А. Франковского. – М., 1968, С.5- 22.

- 5) Стерн Л. Жизнь и мнения Тристрама Шенди, джентльмена: роман / Лоренс Стерн; пер. с англ. А.А. Франковского. – СПб., 2017, 672 с.
- 6) Строганова М.В. Проповеди Лоренса Стерна [Электронный ресурс] // Другой XVIII век / Моск. гос. ун-т им. М. В. Ломоносова. Филол. фак. Каф. истории зарубеж. лит.; [Отв. ред. Т. Пахсарьян]. - М., 2002. Режим доступа: <http://natapa.msk.ru/sborniki-pod-redaktsiey-n-t-pahsaryan/propovedi-lorensa-sterne.html>